

ПРОБЛЕМНЫЙ РЕПОРТАЖ —

К Л А К Е Р Ы

ЧУТЬ НЕ ЗА ЧАС до начала спектакля приходят к Большому театру те, кому еще не приходилось бывать в нем. С трепетом ждут у высоких дверей, пока не распадутся тяжелые створки, открывая взгляду сверкающее золотом фойе. Ждут, чаще всего не замечая, что здесь, у театрального подъезда, на широких ступенях существует свой, весьма странный мир. Уверенно и деловито шуют в толпе молодые люди, предлагая сграждающим билеты по недопустимым ценам. За ними сосредоточенно наблюдают сотрудники групп ОБХСС по борьбе со спекуляцией. Но, пожалуй, особое внимание привлекают к себе те, кто не участвует в этом «единоборстве»: спокойно стоят плечом к плечу в самом центре фойе. Люди эти не суетятся, не пытаются очаровать неприсутствующего администратора. Тем не менее они бывают практически на каждом балете, выбирая в зависимости от репертуара между различными балетными сценами. Бывают даже тогда, когда спектакль целевой...

— Простите, у вас не будет лишнего билета? — обращается к одному из них, узколицему парню в потрепанной зеленой куртке.

— Билета? Нет... У нас пропуск! — высокомерно бросает он.

Впрочем, пропусков, а точнее говоря, контрамарок у них тоже пока нет. Пока они ждут. И вступают — кого...

Он появляется не с улицы — изнутри театра, минуя почтительно расступающихся билетеров. Полный, невысокий, с одуловатым лицом, одетый почти всегда одинаково: рыжая шапка, темное поношенное пальто, из-под которого выглядывает застегнутый доверху воротник «олимпик». Раздает контрамарки не горюясь, внимательно присматриваясь к каждому, кто подолбывает из его рук белый листок. Они входят в театр, когда до начала спектакля остается несколько минут. Им спешить некуда...

Клака. Клакеры. Эти слова сегодня вне театральных кругов употребляются резко и успешно потеряв свой первоначальный смысл. Поэтому для точности обратимся к энциклопедии. «Клака — группа подставных зрителей — клакеров, нанимаемых для создания искусственного успеха или провала артиста или целого спектакля».

Увидеть клакеров за работой — дело несложное. В конце акта они появляются в проходах и привлекают общее внимание не-

умеренными криками: «Браво!» и старательными аплодисментами. На некоторых спектаклях их бывает до тридцати, а то и сорока. Существует в клакерской среде и профессиональная градация. Есть молодежь, отрабатывающая до красног ладоней контрамарку — возможность бесплатно попасть в зал. Есть старейшины; пользующиеся всецелой полнотой власти, входящие за кулисы и одним контрамарками не ограничивающиеся.

В компании, выкрикивающей: «Браво!», мы заметили уже знакомого узколицего молодого человека и чуть позже взяли у него короткое интервью. Борис (фамилии не назвал) минут десять объяснял нам в любви к Терпсихоре, после чего с сознанием выполненного долга отправился в бунет, где и проведет все второе действие (второе, так же, как и первое), появившись в зале, лишь когда настала пора вновь задать работу ладоням и голосовым связкам.

К «обычной» публике клака относится высокомерно.

— Публика мало смыслит в искусстве. Мы захопаем — сна подхватыв, — так коротко сформулировал это отношение один из них.

САМЫЙ ФАКТ существования клаки, пожалуй, вызовет удивление у неискущенного зрителя. Театральная публика наша бедна на хлопки. Даже и не совсем удачный спектакль никогда не оканчивается в гробовой тишине зала. А уж ведущим музыкальным театром вовсе грех жаловаться на невниманье зрителей. Зачем же тогда аплодисменты по заказу?

Об этом мы заинтересовались у обладателя уже упомянутой выше рыжей шапки, с которым встретились на нейтральной почве и в неурочное, по его настоянию, время — в десять часов вечера на станции метро «Динамо». Человек этот посещает балет вот уже добрых двадцать лет и нигде до не упускает случая похвастаться завидными знакомствами, намекая на имеющих в его распоряжении источники информации:

— Большой театр? Да меня там каждый знает!

Знают его в мире балета действительно многие, хотя далеко не всем известна его настоящая фамилия (Васильев Владимир Борисович), не говоря о месте работы — отдел снабжения Московского завода по обработке цветных металлов. Кличка давно стала его вторым именем...

— Бывают аплодисменты и «аплодисменты», — философски ведет он разговор. — Хлопать

можно спектаклю, а можно и конкретному артисту. Сами понимаете разницу... После трудной вариации артист должен отдохнуть, восстановить дыхание. Здесь ему аплодисменты и нужны. А публика сама разве додумается...

Уже знакомое высокомерие. Мы задавали еще вопросы. Он отвечал односложно, в свою очередь стараясь выяснить, что известно о нем, вводил разговор в сторону, выкручивался. Затянутый в угол, волновался, отнекивался.

В заключение взглянул многозначительно:

— Статью писать будете? Советую вам: быть разумным, — помолчал и добавил. — А как если контрамарка понадобится — обращайтесь...

КЛИЧКИ, подставные вымышленные фамилии, открывшая осторожность к каждому человеку со стороны, провозглашающему потворительное любопытство, — весь этот дешевый набор детских главных атрибутов не случаен. Клакеры действительно есть те, кто скрывает. Клака жестока и требовательна, ее деятельность отнюдь не ограничивается одним отработанным до профессионального блеска аплодисментами. Для артиста балета общение со зрителем в значительной степени, чем для драматического актера, сведено к сцене театра. Именно с театра, и с кино или телевидения, начинается его путь к сердцу балетной публики. Клака, зная об этом и отлично умеет на этом спекулировать.

— Так вышло, что когда я впервые выступил на большой сцене, — рассказывает один из артистов балета, — мой старший товарищ, исходя, очевидно, из самых добрых побуждений, не предупредив меня обратился к руководителю клаки с просьбой поддержать молодого артиста. После того спектакля клакеры не раз подходили ко мне, без обиняков требовали платы — контрамарками, деньгами, угощениями в ресторане. Я отказал. И попытался за это...

Артист беззастенчиво перед залом Залитый светом софитов, на глазах у публики он не способен ответить на оскорбление, постоять за себя. В анонимной темноте зала клака избавляется от обычной своей трусости. И мстит... Как?

Вдур упадет со звоном на пол связка ключей. Потом послышится сразу из нескольких мест шарканье ног. Отличная акустика подхватит раздавшееся в самом неподходящем месте ехидное «Бра-во!», вызывающее не-

доумение публики. Кто-то старательно закашляется, и кашель ценной реакцией минут десять будет гулять по залу. Кто-то демонстративно засмеется в напращенной тишине, и зрители подхватят смех, прежде чем успеют понять, что смеяться, собственно, не над чем. Мелочи? Их больше чем достаточно, чтобы артист, догадывающийся, что происходит, сбился, потерял темп, ошибся раз, другой и сам дождся конца начатое такой дело.

Из случайно на жаргоне клакеров говорят не «хвалить артиста», а «хвалить артиста», используя тот самый вынужденный надежд, который обычно употребляют со словом «ударить». Не случайно и то, что большинство артистов балета предпочитают не портить с клакерами отношения. Особенно если учесть, что, сделав первый шаг и не добившись желаемого, клака, словно уличный хулиган, почувствовавший своего безразличия, никогда не останавливается на достигнутом. И методы ее от удичного хулиганства не отличаются...

Что пара спущенных колес, у машины, которые артист должен накачивать, выйдя после спектакля или репетиции? Что мерзкий слухок, пущенный по театру? — Жену одного из артистов балета, пришедшую посмотреть выступление мужа, группа клакеров, выкрикивая оскорбления, «приводила» до самого метро. Мстя за «непокорность» артисту музыкального театра, им. Станиславского и Немировича-Данченко А. Н. Домашеву, клакеры вынуждали мишиной в партер во время его выступлений, в течение года изводили артиста непрерывными ночными телефонными звонками. Дело дошло до того, что трое молодых «поклонников» балета пытались попросту не пустить Александра Николаевича в театр перед началом спектакля. И хотя он, продемонстрировав хорошую физическую подготовку, доставив всех троих в ближайшее отделение милиции, травля — много слова тут не подберешь — продолжалась еще очень долго.

ПОДОБНЫЕ ФАКТЫ, как ни печально это признавать, отнюдь не редкость. Именно они определяют истинное лицо клаки. Однако если так — резонный вопрос: почему же клака существует? Разве так сложно избавиться от нее? Клакеры проходят в театр по контрамаркам. Многие из них знают в лицо. Лишить клакеров пропусков, и театр освободится от них! Да что лишить? Просто палачий серьезный контроль за распределением контрамарок, которые се-

годня выдаются в огромном количестве. Только на «Спящую красавицу», отнюдь не на премьеру, прошли по пропускам сто восемьдесят человек.

Не раз обращаясь к своим коллегам с предложением не выпысывать контрамарки контрамарки Александр Николаевич Домашев. И не добился результатов. Комитет комсомола Большого театра, члены которого отлично понимают, что клака, выбирая жертву «по зубам», чаще всего досаждает молодым артистам, проводит рейды, просерки контрамарок у клакеров, обращаясь к тем, кто выписал их, вызвал к сознательности. И тоже тщетно. Почему?

Ответ прост. Сорядясь с одним, клака поддерживает хорошие отношения с избранными ею, старательно упрочивая свои позиции. Дело дошло до того, что с просьбами о контрамарках к клакеру обращаются студенты Московского хореографического училища, — им попасть в театр несравнимо сложнее.

Между тем, клакерство, несомненно, с высоким искусством. И суть вопроса даже не в том, что клакеры не по праву занимают места истинных поклонников балета. Серия клака расправилась плечи, почувствовав, что в ней нуждаются, от нее зависят. Выдвинула из своей среды «руководителей», ощутив слабый наем на иллюзорную власть. И с приятным рвением прилагает мстить тем, кто не хочет с ней считаться. Стоит ли говорить, что уничтожить клаку — прежде всего дело самого театра.

Медленно, не спеша, в зале зажегся полный свет. И сразу, словно следуя чьей-то команде, по центральному проходу к сцене почти бегом двинулись клакеры. Они резко тормозили у оркестровой ямы, бурдо перед широким заградительным рвом, и, длинно размахнувшись, выдвигались на сцену взлескивающие целлофаном гранаты букетов. Приоткрыв тяжелую полу сдвинувшегося занавеса, артисты вышли на подиум. Скрылись. Спустя минуту появились вновь. Еще раз. Еще. Последний выход был ошибкой. Партер уже опустел. У выхода толпились спешащие к гардеробу зрители. И только клакеры в проходе продолжали неистовствовать. На авансцене раскланывались перед ними артисты...

**А. ЧЕПКОВА,
В. ЯКОВЛЕВ.**